

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.31249/rsm/2018.03.18

И.К. Богомолов

**ЖИЗНЬ В РЕВОЛЮЦИИ.
ГОРОДСКИЕ КОММУНЫ
И СОВЕТСКИЙ СОЦИАЛИЗМ, 1917–1932
(Реферат)**

**WILLIMOTT A. Living the revolution. Urban communes
& soviet socialism, 1917–1932.
Oxford: Oxford University Press, 2017. 203 p.**

Аннотация. Реферируемая монография Э. Уиллимота посвящена феномену городских коммун, существовавших в ранний период советской истории (1917–1932). Автором исследованы социокультурные предпосылки появления коммун в советских городах, повседневная жизнь коммунаров, расцвет и закат городских коммун на рубеже 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: история СССР, советское общество, НЭП, городские коммуны, коммунары.

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.
E-mail: boga_igor@mail.ru

**I.K. Bogomolov. Living in the Revolution. Urban Communes & Soviet
Socialism, 1917–1932. (Review)**

Abstract. The reviewed monograph by A. Willimott is devoted to the phenomenon of urban communes that existed in the early period of Soviet history (1917–1932). The author explores the socio-cultural preconditions for the appearance of communes in Soviet cities, the everyday life of communards, the flourishing and decline of urban communes at the turn of the 1920–1930 s.

Keywords: soviet history, soviet society, NEP, urban communes, communards.

Bogomolov Igor Konstantinovich – Candidate of history,
Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN). Moscow.
E-mail: boga_igor@mail.ru

Монография Э. Уиллимота посвящена городским коммуна́м, появившимся в России после Октябрьской революции. Автор при этом ставит более широкие задачи исследования советской политической культуры, понимаемой им как «область идей, убеждений и концепций, которые помогли сформировать революционную повестку дня» [1, с. 1]. В этом смысле городские коммуны стали отличительной чертой и важнейшим непосредственным результатом революции 1917 г. Однако, несмотря на интерес со стороны современников, городские коммуны «в основном оставались на обочине советской истории», а вместе с этим – и на обочине исследовательского интереса. Между тем в первые годы после Октября, когда «производство и потребление социалистической идеологии» в российском обществе только формировалось, представления о «новой жизни» в значительной степени зависели от мнений конкретных людей, которые по-разному смотрели не только на идею коммунистического общества, но и формы ее практической реализации. В 1917 г. перед ними открылись беспрецедентные возможности в реализации своего видения «нового типа государства и общества» [1, с. 2]. Советская Россия в первые годы своего существования стала идеальной средой для революционного творчества «снизу», вследствие чего многие активисты вслед за идеологической картиной мира «начали переосмысливать... свои внутренние привычки и повседневную жизнь» [1, с. 3]. Исследование городских коммун, по мнению автора, позволяет на конкретных, максимально «приземленных» примерах понять «тенденции развития молодого советского государства» [1, с. 5].

Монография состоит из введения, пяти глав и заключения. Сам автор выделяет в своей работе три «уровня». На первом из них городские коммуны рассматриваются как наглядный пример «революционного опыта». Основная цель здесь состояла в том, чтобы «пролить свет на общие и наиболее популярные обязательства», которые сами коммунары в своей повседневной жизни ставили перед собой и своими товарищами во имя достижения идеалов революции. На втором «уровне» эти обязательства и конечные цели автор исследует более подробно, так как далеко не все коммуны и даже члены одной коммуны одинаково интерпретировали новые формы человеческого общежития. Наконец, на третьем «уровне» Уиллимот задается вопросом, какое влияние эти ежедневные опыты и интерпретации оказали на развитие советского государства, на городскую среду, на «советский дискурс» и, шире, революционную повестку дня. Пересечение указанных «уровней» открывает «новую социальную историю, основанную на взаимодействии государства и общества» [1, с. 14]. В конечном счете изучение городских коммун – важнейший шаг к пониманию феномена советского социализма, так как «весь спектр революции можно увидеть сквозь призму активности коммунаров» [1, с. 15].

Структура монографии – проблемно-хронологическая и охватывает весь период «жизни» коммуны – от идейного оформления в XIX в. до «заката» коммун вскоре после начала сталинского «великого поворота». Выбрав эту структуру, автор изначально допускал выход за указанные хронологические рамки. Так, в первой главе Уиллимот обратил пристальное внимание на идейно-политические трактовки понятия «коммуна», на проекты ее осуществления еще задолго до 1917 г. По мнению автора, популярность и «живучесть» идеи коммуны придавали особенности социально-экономического развития России. Ни в экономическом, ни в социальном отношении крестьянская община не была эффективным институтом, но при этом она очень органично вписывалась в первые «специфически русские» социалистические идеалы. Вдохновляясь крестьянскими общинными структурами, все большее число русских интеллектуалов XIX в. с различными политическими убеждениями – «от Герцена до Достоевского» – видели в общине конкретное проявление «братства» и «коллективного единства» русского народа. Широко распространено было мнение о том, что суровый климат и низкая плотность населения поощряют кооперативные формы выживания, которые противопоставлялись «гладиаторским боям западного социального дарвинизма» [1, с. 26]. К началу XX в. концепция «коллективизма» стала неотъемлемой частью российских общественных, интеллектуальных и революционных дискуссий, сыграла важнейшую роль в усилении антизападнических настроений в русском обществе, в культивировании «особого пути» России.

Прототипами советских коммун послужили «кружки» разночинной интеллигенции, появившиеся в 1870-х годах. Другие объединения (прежде всего, артели) появились еще до революции и уже к моменту прихода большевиков к власти представляли собой спаянный коллектив единомышленников. В большинстве же случаев костяк будущих коммун составляла молодежь, с готовностью откликавшаяся на призывы поучаствовать в коренной перестройке окружающего мира. Уиллимот обращает внимание на то, что идеи коллективизма оказали значительное влияние на большевиков и их политические воззрения, однако к крестьянской общине их отношение было куда более «прохладным», чем у народников. Рассматривая пролетариат как наиболее «сознательный» класс, большевики видели в рабочих проводников самых продвинутых идей коллективизма. Вскоре после Октябрьской революции стало очевидно, что готовность максимально внести коллективизм в повседневную жизнь не была только отвлеченным теоретизированием. Именно с перемены «быта» многие большевики видели начало «новой жизни». В «лихорадочной атмосфере» Гражданской войны коллективизм часто рассматривался как система, способная в самом широком смысле «заменить старый социальный порядок» [1, с. 27].

Не имея достаточного опыта и необходимых организаторских способностей, первые коммунары воодушевлялись примерами предшествовавших им «борцов за свободу». Существовала потребность в культивировании «чистых и непорочных» личностей с мифологизированной биографией. В этом смысле неудивительно, считает Уиллимот, что большое влияние на повседневность и идейные основы коммуны оказала дореволюционная художественная литература. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» был наиболее характерным и популярным примером. Городские коммуны и коммунары стремились воспроизвести решимость и твердость персонажей книги Чернышевского, прежде всего – Рахметова. Они тоже объединялись в квартирах, встречались за «общим столом», разделяли обязанности, вместе трудились. Особенно распространённым было стремление повторить «простой, утилитарный подход Рахметова к еде» [1, с. 31]. Характерно также, что обратным, отрицательным примером для первых коммунаров был гончаровский Обломов, собирательный образ «ленивой, праздной русской элиты» [там же].

Будучи «основополагающим текстом русского социалистического движения», роман «Что делать?» отражал убеждения большевиков в возможности «переработки» отдельной личности в «коллективное существо» [1, с. 32]. Заимствуя название романа Чернышевского, Ленин утверждал, что рабочий класс никогда не придет к власти без руководства со стороны «преданных революционеров». Как и в случае с «новыми людьми» Чернышевского, ведущая роль небольшого и сознательного авангарда «стала краеугольным камнем большевистской революционной теории» [там же].

Несмотря на то что большевики отрицали жизнеспособность особого, «общинного» социализма, влияние деревни на пролетариат после революции было большим и отразилось на городских коммунах. Многие вчерашние крестьяне, приехавшие на заработки в город, попадали под влияние местного комсомола и партийных ячеек, которые «пытались включить крестьянскую жизнь в революцию» [1, с. 41]. Но это не значит, что городские коммуны были продолжением крестьянской жизни. Не все коммунары имели тесные связи с деревней и одобряли крестьянскую культуру, а многие и вовсе боролись с деревенскими привычками и традициями.

Уиллимот обращает особое внимание на семантическое определение, словесное «изобретение» коммуны в первые годы после революции. Сам принцип коллективизма принимал разные формы и, соответственно, носил разные названия. Все чаще термин «коммуна» приравнивался к «пространству или органам, предназначенным для коллективного развития». Кроме того, советское понимание «коммуны» распространялось и на кооперативы, и на организации взаимопомощи, и вообще «подразумевало среду, систему или образ жизни, предназначенные для привития коллективных ценностей» [1, с. 45]. Поэтому как «политический лейбл» коммуна символизировала широкую

приверженность передовых активистов делу всестороннего развития коллективизма.

Первые коммуны появились в различных районах Москвы и Петрограда, основными центрами «сосредоточения» коммун были студенческие сообщества (в первую очередь, «рабфаки»). Небогатая жизнь студентов вкупе с постоянным совместным времяпрепровождением побуждали их объединяться как для решения житейских проблем, так и для проведения наглядных «экспериментов» по строительству «нового общества». В целом культурная миссия станет важным аспектом студенческой жизни в первое десятилетие советской власти. Если базовое понимание коллективизма обеспечило студенческую общину формой и структурой, то развивавшийся в 1920-е годы дискурс «культурной революции» помог обеспечить идеологическое обоснование коммуны как ячейки будущего коммунистического общества. Пытаясь реализовать идеи «культурной революции» в конкретном человеческом общежитии, студенческие коммуны и коммунары «стремились утвердиться в авангарде революционных активистов», а значит – и в авангарде всего советского общества [1, с. 58].

Будучи инициативой «снизу», студенческие коммуны в большинстве случаев не ощущали на себе какого-либо серьезного контроля и учета со стороны государства. Сколько таких коммун было сформировано, сказать достаточно трудно. Система статистического учета нового советского государства находилась в зачаточном состоянии на протяжении большей части 1920-х годов. Разрозненные и не всегда достоверные данные автор почерпнул из архивов советских высших учебных заведений. Они свидетельствуют о том, что к 1923 г. в Петрограде было официально зарегистрировано лишь две студенческие коммуны. Согласно тем же цифрам, если в 1929 г. было зарегистрировано 25 коммун (около 2500 членов), то в 1930 г. – уже 60 (около 7700 членов). Признавая значительный рост в конце 1920-х годов, совпадающий с оживленным интересом к коллективизму и коллективной ассоциации, Уиллимот подчеркивает, что эти данные «отражают скорее добровольный и неформальный характер этих групп» [1, с. 54]. И хотя все большее число обществ на низовом уровне «подпадали под влияние государственных учреждений», студенческие коммуны оставались «слишком обособленными... чтобы функционировать в качестве официальных помощников власти» [1, с. 58].

Схожие причины для объединения были и у коммун в жилых домах (так называемые «жилищно-бытовые коммуны», ЖБК). Как и в случае со студенческими коммунарами ЖБК брали свое начало одновременно в идеологических дискуссиях и житейских потребностях. Строительство «социализма в отдельно взятой квартире» началось еще на рубеже 1917–1918 гг. на фоне хозяйственной разрухи в стране, дефицита товаров и реальной угрозы голода в больших городах. Объединению способствовал и начавшийся в то же время

так называемый «революционный жилищный передел», означавший разделение «буржуйских» жилплощадей для поселения рабочих и крестьян.

Разрушение стен (в буквальном смысле) между квартирами бежавших представителей «эксплуататорских классов» сближало новых обитателей в их нужде и стремлении к «новой жизни». Повседневная взаимопомощь сформировала устойчивые сообщества, многие из которых продолжили существование и после 1921 г., когда «революционный жилищный передел» был официально свернут. Эта «кратковременная пауза в государственной политике» не обязательно означала «революционные компромиссы во всех областях». Во всяком случае с приходом НЭПа городские коммуны и коммунары «стали еще более решительными в своей борьбе со старым образом жизни» [1, с. 84]. Жилое пространство, благодаря оставшимся возможностям его реформирования, и в годы НЭПа «оставалось очень важным местом развития революции» [там же].

Отсутствие каких-либо «легал» по созданию коммуны порождало широкий простор для творчества и разных форм общежития, спонтанность шагов, а нередко – и противоречия во взаимоотношениях с государственными органами и другими коммунами. Как отмечает автор, не все коммуны «следовали одной и той же траектории или разделяли одни и те же цели», некоторые из них оказались «более успешны с точки зрения долголетия и численности», другие же существовали не более года и «не простирались дальше своих четырех стен» [1, с. 59]. Но это разнообразие форм только подчеркивало рост числа коммун и численности ее членов. Советский политический дискурс 1920-х годов был для этого благодатной почвой, так как порождал множество радикальных идей перестройки «быта», сохраняя при этом и простор для их реализации.

Тем не менее определенные общие характеристики сближали коммуны, и касалось это не только идеологии, но и организации повседневности. Многие группы разрабатывали «системы внутреннего регулирования и сосредоточения средств в общих руках» [1, с. 53]. Подобно студенческим коммунам они создавали «общие котлы» для сбора средств на покупку необходимых продуктов и промтоваров, регулярно проводили собрания для обсуждения проблем и вопросов общежития. Обычным явлением было составление правил коммуны, ведение стенгазет, совместные культпоходы, совместное участие в праздниках и демонстрациях. Попытки «упорядочивания» свободного времени и повышение эффективности труда (так называемая «научная организация труда», НОТ) стали общим веянием в среде коммунаров. Активно внедрялась система «тщательного расчета доходов и разумных расходов», обеспечивавшая равномерное потребление коммунарами завтрака, обеда и ужина. Более того, каждое блюдо планировалось в одно и то же время каждый день.

В целом НОТ «стимулировала большинство обсуждений и экспериментов» в коммунах [1, с. 61]. Для коммунаров это было не только насущной необходимостью, но и средством доказать самим себе, что победа над имущественным, сексуальным, экономическим и политическим неравенством возможна благодаря встраиванию личной жизни каждого человека в строгий ежедневный распорядок. Эта борьба за «новый образ жизни» посредством переустройства быта становилась частью более широкого фронта против «онэпивания» молодежи и прививания ей «буржуазных привычек». Комсомольцы были заинтересованы в этой борьбе, так как «сильнее всего проигрывали от реанимирования рыночных механизмов», что со временем придало поддержке коммун «полуофициальный характер» [1, с. 86].

Однако на первых порах вмешательство государства в жизнь коммунаров чаще всего ограничивалось декларативными заявлениями, общими одобрениями и редко выражалось в практических шагах. Нельзя сказать, считает Уиллимот, что у власти не было намерений каким-то образом повлиять на эти объединения, использовать коллективизм для усиления контроля над обществом. Однако за намерениями поначалу не было конкретного плана и конкретных целей, так как идеалистические устремления коммунаров далеко не всегда вписывались в меняющуюся политическую конъюнктуру и не оставляли большевикам достаточного, с их точки зрения, пространства для идеологических маневров.

Едва уловимую отстраненность государства от темы городских коммун осознавали и сами коммунары. Не всем из них это нравилось, многие видели в этом недоработку партии и особенно комсомола, их инерционность и невосприимчивость к новым методам борьбы за коммунистическое будущее. В то же время значительная часть коммунаров воспринимала эту ситуацию как вполне нормальную, ибо, по их мнению, завоеванная революцией свобода априори лишала государство права каким-либо образом «учить» своих граждан. Представления о «новой жизни» формально вписывались в рамки социализма, но конечные формы коммуны были слишком неустойчивы, слишком разнообразны и к тому же касались того уровня человеческой повседневности, который до поры не был подконтролен партии и государству. Так, на съездах комсомола в 1920 и 1921 гг. делегаты подчеркивали роль коммун в общих дискуссиях о «новом быте». Комсомольские функционеры неоднократно называли городские коммуны площадками, где молодежь могла бы развить свою «революционную идентичность» и спастись от «развращающего влияния семейной и буржуазной жизни» [1, с. 46]. Однако для многих коммунаров это были лишь очередные напоминания о важности их дела для советского общества, но не руководство к действию.

В результате к тому времени, когда советское руководство «стало рассматривать коллективизм как необходимое подчинение личности интересам

партии», коммунары уже имели богатый опыт строительства саморегулируемых сообществ [1, с. 48]. Одной из позднейших форм стали «рабочие коммуны», формировавшиеся на фабриках и заводах. Задачи рабочих, студенческих и жилищно-бытовых коммун на первый взгляд совпадали: организация рабочего и свободного времени, взаимопомощь, развитие «чувства коллективизма». Однако рабочие общежития изначально имели несколько важных особенностей: члены коммуны были одновременно рабочими одного предприятия и имели над собой одно руководство в лице различных заводских и фабричных директоров, начальников цехов и т.д. Формально не вмешиваясь в жизнь рабочих-коммунаров, руководство видело большой экономический потенциал от таких объединений. Внимание высшего руководства страны обеспечило этой идее широкую идеологическую поддержку. В результате между 1927 и 1929 гг., на фоне роста «интереса к коллективистским идеалам», число рабочих коммун начало быстро расти. К началу первой Пятилетки, по официальным данным, в рабочие коммуны входили около 100 тыс. человек [1, с. 113].

Однако с широким вовлечением пролетариата и более пристальным вниманием государства сама суть коммуны начала меняться. Уиллимот отмечает, что на рубеже 1920–1930-х годов коммуны начали постепенно терять кадровый «костяк» – тех, кто пришел в коммуну еще в 1917–1918 гг. Это была одна из ключевых причин «рассеивания» городской коммуны в условиях «смещения идеологических акцентов советской индустриализации» [1, с. 133]. В партийной и комсомольской печати в это время усилилась критика жилищно-бытовых коммун, публиковались статьи и карикатуры, обличавшие «ежедневный хаос в студенческой коммуне» [1, с. 138]. Устойчивым в прессе стало представление о «коммунальном хулигане», нарушающем порядок не только в коммуне, но и в общественных пространствах и на производстве.

В то же время, отмечает Уиллимот, критика коммун по своей форме никогда не была «войной с мечтателями». В партийной и комсомольской среде отношение к коммунам продолжало оставаться двойственным: одни видели в коммунах необходимый источник вдохновения и романтизма, неоценимый опыт моделирования коммунистического общества на низовом уровне. Другим представителям партаппарата коммуна представлялась пережитком, уже не соответствующим «духу времени». Это уравнивание в оценках отражалось и на публикациях в печати, критика которой, как правило, ограничивалась сожалением, что коммуна несовершенна и не всегда может встроиться в новые реалии «великого поворота».

Наиболее типичной была оценка коммун Л. Кагановичем, который рассматривал их не как «развлечение и источник альтернативных приоритетов», а больше как «возможный придаток комсомола и партии» [1, с. 146]. При этом Каганович не видел объективных возможностей для создания искусственных «псевдокоммун» под патронажем какого-либо начальства и вообще

не верил в возможность принудительной «коллективизации быта» в городских условиях. Эта позиция, с одной стороны, освобождала коммуны от партийной опеки, но с другой – лишала возможной административной поддержки. Альтернативой были новые рабочие коммуны на производстве, от членов которой требовались единство, порядок, единоначалие и беспрекословное подчинение [1, с. 170].

Для большинства коммунаров коммуна «никогда не была ни самоцелью, ни островом, ни идиллией, а средством борьбы за революционное дело» [1, с. 174]. В новых условиях многие из них искренне верили, что советский социализм вступил в следующий этап своего развития, и соответствующим образом изменить свою жизнь. Борьба за экономические показатели вышла на первый план, заслонив собой многие бытовые вопросы, волновавшие коммунаров в первые годы советской власти. Приближение коммунизма отныне увязывалось с выполнением и перевыполнением текущих планов, а не с перестройкой быта. Тем не менее опыт общежития в городских коммунах позволил многим рабочим быстрее адаптироваться ко многим сложностям и лишениям эпохи сталинской индустриализации.

Библиография

Willimott A. Living the revolution. Urban communes & soviet socialism, 1917–1932. Oxford: Oxford University Press, 2017. 203 p.

References

Willimott A. Living the revolution. Urban communes & soviet socialism, 1917–1932. Oxford: Oxford University Press, 2017. 203 p.